

УДК 329.14(47+57) «18»

РУССКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ СТУДЕНЧЕСТВО 80–90-х годов XIX века

Е. А. Савицкая

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 октября 2011 г.

Аннотация: статья посвящена роли русского студенчества в революционном движении конца XIX столетия, когда вопрос свержения самодержавной монархии всё более волновал сердца прогрессивной российской общественности, а стремительное формирование радикальных политических партий не могло не оказывать влияния на гибкие умы активной учащейся молодежи.

Ключевые слова: студенчество, землячества, «Касса взаимопомощи», социал-демократия, революционное движение.

Abstract: the article is devoted to the role of Russian students in the revolutionary movement of the nineteenth century, when the problem of the autocratic monarchy overthrow disturbed the hearts of the progressive Russian society more and more, and rapid formation of radical political parties couldn't but affect the flexible minds of the active young students.

Key words: students, zemliachestva, mutual benefit society, social democracy, revolutionar movement.

Вопрос революционного студенчества последних десятилетий XIX столетия не всегда решался однозначно. В советский период в историографии преобладала уверенная точка зрения о студенчестве 80-х и в особенности 90-х гг. как об одной из движущих сил революционного движения, его важнейшей составляющей, как о своеобразной «инкубационной» среде, производящей и выпускающей в свет революционно мыслящую молодежь всех политических направлений [1–5]. Именно в университетской атмосфере, по мнению исследователей, могли сформироваться основные кадры наиболее активной интеллигенции, ясно осознававшей «необходимость» борьбы с существующим абсолютистским режимом и начавшей предпринимать попытки таковой, еще находясь в стенах alma mater. «Появление революционных настроений в студенческой среде было в значительной мере обусловлено недовольством существующим государственным устройством. Это недовольство побуждало к теоретическим разработкам иных политических доктрин и экономических систем, а запрет их пропаганды – к конспирации, губительной своей закрытостью» [3]. На основании ленинских положений советские историки утверждались во мнении о том, что «революционно-демократическая часть студентов име-

ла очень большое влияние на массы учащейся молодежи» [4, с. 129], а также, что «классовая борьба пролетариата и студенческое движение взаимно влияли друг на друга»: в 90-е гг. студент «шел на помощь» к рабочему, внося в его ряды марксистские идеи [4, с. 124], и «под влиянием растущей борьбы рабочего класса студенческое движение приобрело в целом политический характер» [4, с. 129].

Благодаря многочисленным источникам, опубликованным большей частью в журналах «Былое» (1906–1926) и «Каторга и ссылка» (1921–1935) и представляющим собой воспоминания непосредственных участников событий, нам известны факты о студенческих организациях, многочисленных выступлениях молодежи, демонстрациях и конспиративных сходках, а также нередко об участии отдельных студентов в работе подпольных революционных кружков на всем протяжении последнего двадцатилетия XIX в. Но дает ли это право утверждать о *политическом* характере студенческого движения, так ли *революционно* оно было на самом деле, как видится исследователям истории «Великого Октября», находящимся под влиянием его знаменательных событий? Ответить на этот вопрос поможет подробное изучение работы студенческих организаций на фоне общей социально-политической обстановки указанного периода.

Сразу после 1 марта 1881 г. подъем общественного настроения был очевиден, в том числе и в среде студенческой молодежи, которой лидеры «Народной воли» всегда уделяли особое внимание, поскольку именно в ней видели главный источник пополнения организации. Студенческие кружки существовали при каждой местной народолюбивческой организации. В Петербурге в 1880 г. А. Желябовым была создана «Центральная университетская группа», оказавшаяся деятельным участником всех тогдашних студенческих волнений. По решению Исполнительного комитета 8 февраля 1881 г. она организовала демонстрацию протеста против министра просвещения Сабурова, где Коган-Бернштейн произнес «разоблачительную» речь, а член кружка Подбельский публично отвесил министру пощечину [6]. В Петербурге студенческая организация «Народной воли» охватила почти все крупные учебные заведения, кружком при Технологическом институте руководил И. И. Гриневицкий, при Институте путей сообщения – А. Б. Арончик, на Медицинских курсах – сестры Оловенниковы. Университетские группы существовали в Москве, Киеве, Одессе, Харькове, Саратове, Казани, при Воронежской и Аккерманской духовных семинариях.

Д. Перелешин, поступивший в Петербургский университет в сентябре 1881 г., отмечал, что студенчество, в которое он влился, было «сильно оппозиционно, чувствовалось, что имеются в нем не только оппозиционеры, но и вполне убежденные революционеры» [7, с. 101]. Но его попытки проникнуть в какой-нибудь революционный кружок не увенчались успехом; С. В. Мартынов, С. Златопольский и И. Теллалов (бывшие в конце 70 – начале 80-х гг. организаторами Московского комитета «Народной воли», а после 1 марта 1881 г. вошедшие в состав руководства организации – Исполнительного комитета «Народной воли») заявили молодому студенту, что сначала необходимо подготовить себя для серьезной революционной работы, «учиться и в университете на лекциях, и в студенческих кружках самообразования», «слушать лекции по экономическим дисциплинам» и «читать побольше серьезной литературы» [7, с. 101–102]. Так называемые «кружки самообразования» существовали в Московском и Петербургском университетах почти всегда, они объединяли студентов по сходству интересов и взглядов, ставили своей целью пополнение знаний по различным общественным наукам, возникали стихийно в начале каждого учебного года, но были в большинстве своем недолговечны [8, с. 19].

Кроме этого, при Петербургском университете существовало довольно популярное Научно-литературное общество, вокруг которого «группировались культурные силы студенчества всех факультетов» [9, с. 244]. Целью его создания, как отмечают некоторые исследователи, было «под видом приобщения к науке отвлечь студентов от революционной деятельности, вырвать их из-под влияния революционно настроенных товарищей» [5, с. 60]. Обществу разрешалось «устраивать» научные рефераты и литературные чтения, переводить иностранные научные сочинения, издавать в виде сборников или отдельных брошюр лучшие студенческие работы. Всё это должно было проходить в стенах университета под строжайшим контролем начальства.

В середине 80-х гг. всё большую популярность стали приобретать студенческие землячества. Обычно в них входили учащиеся, окончившие средние учебные заведения в одном городе (такие, как Киевское, Орловское, Кременчугское, Новозыбковское, Таврическое, Новгородское и др.), возникали областные землячества (например, Сибирское, Поволжское, Землячество кубанцев и донцов) и основанные по национальному признаку (Грузинское, Малороссийское) [5, 10, 11].

В 80-х гг. деятельность землячеств была разнообразной: они собирали взносы среди молодежи для поддержки нуждающихся студентов, организовывали библиотеки, кружки саморазвития, пытались помогать Красному кресту, иногда распространять нелегальную литературу, организовывали акты протеста, за которые члены этих объединений исключались из учебных заведений, нередко арестовывались и ссылались [5, с. 87–90]. В марте–апреле 1886 г. для лучшей координации деятельности учащейся молодежи был создан Союз землячеств Петербурга, куда первоначально вошли 13 землячеств. «Целью объединения инициаторы выставляли необходимость более планомерной организации студенчества и систематического воздействия на общественное мнение студенческой среды...» [10, с. 143]. Вскоре Союз приобрел большую силу, во главе его стоял Союзный совет из представителей землячеств, собиравшийся регулярно в составе 12–15 человек, действовавший нелегально и требовавший от своих членов соблюдения необходимых основ конспирации.

Несмотря на то, что в целом землячества и кружки самообразования интересовали преимущественно академические вопросы, в середине 80-х гг. XIX в. начала наблюдаться активизация студенчества в революционном направлении. Всё

чаще на заседаниях изучались экономические проблемы русского крестьянства и политическая обстановка в стране, что в конечном итоге навело участников экономического кружка на мысль выйти из рамок теоретической подготовки и 19 февраля 1886 г., в день 25-летия падения крепостного права, организовать политическую демонстрацию. Утром этого дня на Волковом кладбище собралось около 400 человек молодежи, полиции не было, и, возложив венки на могилы любимых писателей, студенты спокойно разошлись по домам; ни один из участников не был арестован. Полицейское начальство сочло за благо оставить это событие без внимания [5, с. 102–103].

Данный факт дал студентам повод для повторения подобных массовых акций. 17 ноября 1886 г. было решено провести демонстрацию, получившую вскоре название «Добролюбовской» и приуроченную к 25-летию со дня смерти известного писателя. Идея чествования Добролюбова была встречена сочувственно, в панихиде согласилось участвовать 1500 человек, но пройти на Волково кладбище студентам так и не удалось: демонстрация была оцеплена полицией [12, с. 50–51]. На следующее утро последовали обыски, аресты и высылки участников по местам их родины. Это событие послужило поводом для составления специальной прокламации, озаглавленной «17 ноября в Петербурге». Ее автором стал Александр Ульянов, один из организаторов нашедшей демонстрации. Прокламация указывала на мирные цели студентов, желавших «только воспользоваться своим правом – служить панихиду по тем лицам, которых» они «признавали своими учителями»; в ней осуждался «грубый деспотизм правительства», при котором «всякое чествование прогрессивных литературных или общественных деятелей, всякое заявление уважения и благодарности им, даже над их гробом, есть оскорбление и враждебная демонстрация правительству». Заканчивалась прокламация словами, которым часто придается особое значение в литературе, посвященной революционному движению конца 80-х гг.: «Грубой силой, на которую опирается правительство, мы противопоставим тоже силу, организованную и объединенную сознанием своей духовной сплоченности» [13].

Отпечатанная на гектографе прокламация распространялась по всему Петербургу, студенты сделали попытку разослать ее и по другим городам, придав тем самым своему протесту всероссийский характер. Через несколько дней в департамент полиции стали поступать сведения о появлении прокламации в Новгороде, Могилеве, Костроме, Владимире, Воронеже, Екатериносла-

ве, Калуге, Курске, Казани, Вятке, Орле, Симбирске. Почти все ее экземпляры, разосланные по почте, попали в руки жандармов и затем фигурировали на суде в качестве вещественного доказательства.

Масштаб «Добролюбовской» демонстрации был для правительства неожиданным, в то время как масштаб «репрессий» (28 человек, высланных на родину, – из 1500 участников [9, с. 169]) вовсе ей не соответствовал и был значительно преувеличен исследователями жизни Александра Ульянова [5, 14, 15]. Именно это событие студенческой жизни авторы воспоминаний и многие историки считали главной психологической причиной, толкнувшей А. Ульянова и других участников мирных кружков и землячеств на террор.

Как бы то ни было в конце 1886 г., практически сразу же после демонстрации, сложилась группа революционно настроенной молодежи, которая впоследствии назовется «Террористической фракцией партии «Народная воля» и совершит знаменитую попытку покушения на императора Александра III 1 марта 1887 г. «Для террористической группы 1 марта 1887 года, – свидетельствовал современник тех событий Е. И. Яковенко, – именно и характерно то, что она возникла не из партийной организации и не была надумана отдельными личностями, но естественно выросла из революционного студенчества, сильно взволнованного после «Добролюбовской» демонстрации, во время которой в откровенной форме обнаружилось грубость, произвол и бестактность агентов власти. Почва, на которой росло и формировалось это революционное настроение, были студенческие землячества и кружки» [16, с. 18].

Безусловно, события «второго 1-го марта» и казнь участников покушения повлекли за собой широкий резонанс в студенческой среде. Но длился он совсем недолго, после нескольких прокламаций студенчество «затихло» и до конца 80-х гг. более никак себя не проявляло в политическом плане. Более того, и на протяжении 90-х гг. стремления отдельных деятелей направить прогрессивную учащуюся молодежь в революционное русло так и не увенчались успехом.

Нужно отметить, что характер студенческого движения в 90-е гг. XIX в. в отличие от 80-х гг., несколько меняется. Этому способствовала и общественно-политическая обстановка в стране, названная впоследствии современниками «эпохой безвременья» [17], и усиление и совершенствование работы полицейского аппарата правительства, и смена лидирующей политической организации. Если 80-е гг. проходили под знаменем громкой славы «Народной воли», обаяние кото-

рой сумело привлечь на ее сторону значительное число студентов, то в 90-е и особенно в их второй половине начинает набирать силу социал-демократия, видевшая главенствующей силой революционный пролетариат, а студенчество рассматривавшая лишь в перспективе вспомогательной силы в достижении единой цели.

Преобладающее большинство современников и участников студенческой жизни 90-х гг. отмечают, что молодежные выступления этого периода практически никогда не выходили за рамки «чистого академизма», а студенческая масса в большинстве своем оставалась аполитична и «чужда революционного сознания» [18, с. 84, а также 10, 19, 20]. Нужно учитывать, отмечал Н. Иорданский, что поколение 90-х гг. «попало в высшие учебные заведения из химической реторты толстовско-деляновской гимназии, где оно обрабатывалось в самый проклятый период истории русской средней школы, в десятилетие 1885–1895 годов», когда «чтение Белинского считалось по меньшей мере излишним, а чтение журналов – преступлением» [18, с. 84]. Принимая во внимание возможное преувеличение в словах Н. Иорданского, отрицать строгость гимназического образования времен консервативно-охранительного курса Д. А. Толстова и И. Д. Делянова представляется довольно сложным. Акцент на изучении древних языков и Закона Божьего, запрет многих периодических изданий и жесткая цензура, направленная на борьбу с революцией, вовсе не способствовали развитию политического мышления подрастающего поколения, поступавшего в университеты «в полном смысле политическими младенцами» [там же].

Главными очагами студенческой жизни в 90-х гг. по-прежнему были Петербургский и Московский университеты. Землячества, оставшиеся наиболее распространенными межвузовскими студенческими организациями, по свидетельствам некоторых современников, «особой жизнедеятельности не проявляли» [21, с. 143, а также 17, 18]. Несмотря на факт многочисленности (Н. Иорданский говорит о существовании в 1897 г. 50 земляществ численностью от 15 до 100 человек в каждом [18, с. 86]), многие из них фактически ограничивали свою деятельность распределением сумм, получавшихся от устройства студенческих вечеров во время рождественских или летних каникул в их родных городах, и, в действительности, осуществляли лишь задачу взаимопомощи. В академических вопросах политика «Союзного совета» была довольно умеренной, чисто академические «беспорядки» считались не стоя-

щими затраты сил, в связи с чем звучали призывы воздержаться от традиционных «студенческих волнений», не выходящих за стены университета и никого, кроме учащейся молодежи, не интересующих [17, с. 110].

Кроме земляществ в северной столице в начале 90-х гг. самой авторитетной и многочисленной по составу была «Касса взаимопомощи студентов Петербургского университета», возникшая после закрытия популярного легально существовавшего Научно-литературного общества.

Организация «Кассы» была сведена к следующим правилам: желающие вступить в нее образовывали кружки (не менее, чем из шести человек), выбиравшие по одному делегату в «представительное собрание», являвшееся законодательным органом. Наиболее многочисленные кружки составляли до 15–20 участников. Так называемое «представительное собрание» сосредотачивало в себе основную жизнедеятельность организации, оно избирало председателя и казначея, о его работе делегаты сообщали своему кружку, имея право выставлять на обсуждение все интересующие членов кружка вопросы, а иногда, в особенно важных случаях, проблемы, возникавшие в «представительном собрании», передавались на обсуждение кружков.

Большинство кружков существовало почти номинально, ограничиваясь избранием делегата и уплатой членских взносов, и только меньшинство собиралось регулярно. Несмотря на то, что «Касса» находилась на нелегальном положении, она имела связь с ректором, который всегда был знаком с ее председателем и нередко обращался к нему по различным студенческим вопросам. Позднее, когда с развитием революционного движения политические тюрьмы имели достаточное число университетской молодежи, значительную часть своих средств (50 % и больше) «Касса» отчисляла Обществу помощи политическим ссыльным и заключенным («Красный крест»), а в некоторых случаях и партийным организациям.

М. Могилянский отмечал, что делегаты «представительного собрания» «Кассы» весьма сочувственно относились к студенческим волнениям, некоторые даже являлись фанатами публичных акций, хотя большинство всё же считало, что для серьезных выступлений еще не назрел момент и не накопилось достаточное количество сил и энергии [11, с. 145–150]. Другой участник событий 90-х гг. Н. Иорданский, в свою очередь, указывал, что в 1895 г. «политика» в «Кассе» не пользовалась особым расположением. Большинство «представительного собрания» очень недоверчи-

во относилось к попыткам слияния академических вопросов с общеполитическими проблемами и даже видело в таких попытках неуместное стремление отдельных лиц использовать студенческие организации в посторонних, партийных целях [18, с. 87].

Следует отметить, что порой красивая и широкая концепция студенчества как носителя высоких идеалов интеллигенции в борьбе против самодержавия в конечном итоге заканчивалась весьма узким положением: «так как университетский режим является частичным проявлением общего режима, то студенты должны бороться против общего режима, борясь против университетского режима» [18, с. 88; 21, с. 97]. В результате практически все студенческие выступления и беспорядки 90-х гг. заканчивались громкими и по сути необоснованными требованиями по изменению университетского устава, а именно, возвращению к уставу 1863 г., который имел в себе множество недостатков. Чаще всего такие выступления тонули в «бесконечных и беспорядочных речах» и могли быть «разнообразены» арестами и высылками участников, после чего волнения за возвращение исключенных товарищей начинали придавать студенческой акции определенный смысл [18, с. 88].

Вторая половина 90-х гг., как известно, характеризовалась подъемом социал-демократического движения, что, безусловно, не могло не найти своего отражения в умах учащейся молодежи, особенно той его части, которая принимала активное участие в полемике марксистов и народников в рамках кружков самообразования и нелегальных студенческих сходов. Студенты-марксисты, группировавшиеся в «Кассе», имели совершенно иную точку зрения на роль студенческих выступлений в освободительной борьбе. Студенчество, по их глубокому убеждению, само по себе было бесцельно, вследствие чего должно было примкнуть к наиболее революционному классу современному ему обществу, а именно – пролетариату. В связи с этим всякие студенческие вспышки на почве университетского режима признавались излишними и даже вредными, так как давали возможность правительству легко извлекать из обращения наиболее работоспособные и многообещающие студенческие массы. Эта точка зрения служила причиной того, что часть студенчества, тяготеющая к социал-демократии, перестала поддерживать выступления, начинавшиеся на академической почве, что тем более лишало подобные акции политической силы. Так случилось, к примеру, в 1897 г. во время демонстрации по поводу самосожжения в Петропавловской крепости студентки-бестужевки М. Ф. Ветровой. Несмотря на тот факт, что по-

добное событие было единодушно отмечено желанием реагировать на него публичным выступлением, демонстрация, однако, облеклась лишь в форму довольно массовой панихиды, отражающей твердое убеждение большей части студентов в том, что правительство не может воспрепятствовать исполнению христианского обряда, в котором (а вовсе не в политической демонстрации) они на самом деле собирались принять участие. «Касса» выпустила воззвание «К обществу» в сравнительно умеренных выражениях и твердо стояла на необходимости принять меры к тому, чтобы в демонстрации не приняли участие рабочие, что, по мнению ее членов, придало бы выступлению «нежелательный характер» [21, с. 98].

Таким образом, утверждать о *революционном* характере студенческого движения конца XIX столетия представляется не до конца правомерным. «Террористическая фракция партии «Народная воля» была по сути единственным примером проявления революционности учащейся молодежи, продлившейся сравнительно недолгое время. В конце 80-х и на протяжении всех 90-х гг. студенчество ни разу не выявило сколько-нибудь серьезных политических настроений, а их выступления, даже довольно крупные по численности, нередко носили достаточно выраженный академический характер отчасти по причине того, что «степень политической сознательности широких масс студенчества делала совершенно невозможным возникновение среди него сознательного движения с политическими лозунгами» [21, с. 118].

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотарев Б. Н. В. И. Ленин и революционное студенчество Петербургского университета в период создания и деятельности Союза борьбы за освобождение рабочего класса / Б. Н. Золотарев // Вестн. Ленингр. ун-та. – 1969. – Вып. 1, № 2. – С. 9–26.
2. Жуйкова Р. Г. Революционное студенческое движение в Петербурге в 80-х гг. XIX в. (1881–1887 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р. Г. Жуйкова. – Л., 1965.
3. Из истории революционного движения учащихся в России в 80-х годах XIX в. / публ. А. Н. Катренко // Сов. архивы. – 1983. – № 6. – С. 31–35.
4. Георгиева Н. Г. Советская историография студенческого движения в России на рубеже XIX–XX вв. / Н. Г. Георгиева // Вопр. истории. – 1979. – № 10. – С. 124–131.
5. Итенберг А. И. Жизнь Александра Ульянова / А. И. Итенберг, А. Я. Черняк. – М., 1966.
6. Тырков А. В. К событию 1 марта 1881 / А. В. Тырков // Былое. – 1906. – № 5.
7. Перелешин Д. Воспоминания / Д. Перелешин // Звезда. – 1973. – № 5. – С. 94–140.

8. *Бартенев В. В.* Воспоминания петербуржца о второй половине восьмидесятых годов / В. В. Бартенев // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. – М. ; Л., 1927. – С. 17–29.

9. *Иванский А. И.* Жизнь как факел. История героической борьбы и трагической гибели А. Ульянова, рассказанная современниками / А. И. Иванский. – М., 1966.

10. *Никонов С. А.* Жизнь студенчества и революционная работа конца 80-х годов / С. А. Никонов // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. – М. ; Л., 1927.

11. *Могилянский М.* В девяностые годы / М. Могилянский // Былое. – 1924. – № 23. – С. 132–161.

12. *Брагинский М. А.* Александр Ильич Ульянов / М. А. Брагинский // Каторга и ссылка. – 1927. – № 3.

13. Прокламация 17 ноября в Петербурге // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. – М. ; Л., 1927. – С. 355–357.

14. *Сутырин В.* Александр Ильич Ульянов (1886–1887 гг.) / В. Сутырин. – М., 1975.

15. *Канивец В.* Александр Ульянов / В. Канивец. – М., 1961.

16. *Яковенко Е. И.* О втором 1-е марта / Е. И. Яковенко // Каторга и ссылка. – 1927. – Кн. 32.

17. *Чернов В.* Записки социалиста-революционера. Кн. первая : В годы безвременья (1889–1899) / В. Чернов. – Берлин ; СПб. ; М., 1922.

18. *Иорданский Н.* Миссия П. С. Ванновского : из истории о студенческом движении 1899 г. / Н. Иорданский // Былое. – 1907. – № 9. – С. 83–131.

19. *Деготь В.* К вопросу о роли студенчества в революционном движении / В. Деготь // Каторга и ссылка. – 1932. – Кн. 2 (87). – С. 155–182.

20. *Нестроев Г.* К истории студенческого движения в России. 1902–1903 / Г. Нестроев // Каторга и ссылка. – 1926. – № 7/8 (28/29). – С. 131–147.

21. *Могилянский М.* В девяностые годы / М. Могилянский // Былое. – 1924. – № 4. – С. 96–139.

Воронежский государственный университет

Савицкая Е. А., аспирантка кафедры истории России

E-mail: less_savy126@mail.ru

Тел.: 8-951-553-88-79

Voronezh State University

Savitskaya E. A., Post-graduate Student of the Russian History Department

E-mail: less_savy126@mail.ru

Tel.: 8-951-553-88-79